

Сальдо в мешке не утаишь

Лихорадка, охватившая в мае валютный и потребительский рынок Беларуси, явилась для многих полной неожиданностью. За десять с лишним лет стабильного экономического развития наши соотечественники, казалось бы, стали забывать такие понятия, как штурм прилавков, запасание продуктами впрок и многодневные самоподдерживающиеся очереди. Но оказалось, что генетическая память людей весьма живуча, и официальные заявления о наличии солидных запасов продовольственных и промышленных товаров не помогли снятию небывалого ажиотажа. Затянувшееся отсутствие валюты в обменниках стабилизации обстановки также не способствовало.

Естественно, такие бурные события в экономической сфере не могли не вызвать широкого общественного резонанса. По поводу происходящего высказывались самые разные суждения: от предположений о наконец-то докатившихся до страны отголосках мирового финансового кризиса до выводов о несостоятельности избранной экономической модели. Закономерно людей волновали вопросы и о возможных сценариях ближайшего будущего и оптимальных вариантах реагирования на обозначившиеся процессы. Сегодня журнал переадресует их экспертам, которым мы предоставляем слово.

Виктор ПИНИГИН,
первый заместитель директора
по научной работе Научно-
исследовательского экономического
института Министерства экономики
Республики Беларусь:

Я думаю, что заявления о несостоятельности избранной модели были бы как минимум преждевременными. Она работает уже 15 лет, и особых сбоев в развитии экономики у нас не отмечалось. Само за себя говорит и достижение Беларусью одной из первых среди постсоветских стран доперестроечного уровня производства. Другое дело, что любая модель, социально ориентированная или какая-либо иная, не является застывшей. Как учили классики, все необходимо рассматривать в диалектике. Кстати, если взять капиталистическую модель экономики, то ее нынешние модификации будут довольно существенно отличаться от существовавших в начале прошлого века. На Западе постоянно принимаются новые институциональные решения, созда-

ются новые инструменты экономического роста, соответствующие капиталистическому способу производства.

Так и у нас. Коль скоро на определенном этапе возникают проблемы в экономической и социальной сферах, мы реагируем на них путем модернизации определенных институтов и механизмов – не отказываясь от выбранной социально ориентированной рыночной модели. В частности, недавно приняты решения по либерализации, направленные на развитие рыночных основ экономики, раскрепощение фактора предпринимательства, усиление инновационной составляющей.

Но, хотя основные документы по либерализации давно приняты и уже работают, в создавшейся непростой ситуации трактовать данный вопрос однозначно не получается. Ведь известны два способа преодоления возникающих сложностей – либо всем дают свободу и говорят: выбирайтесь самостоятельно как хотите, либо происходит ужесточение централизации, усиление сосредоточения власти в центре, с помощью чего преодолеваются негативные явления. Не секрет, что сегодня малые предприятия, на которые делается основной акцент в процессе либерализации, чувствуют себя достаточно неуверенно. Более устойчивыми являются крупные предприятия. Поэтому, чтобы не дискредитировать сам процесс либерализации, возможно, сейчас нужно его несколько придержать до того момента, когда ситуация, прежде всего на финансовом рынке, стабилизируется. Не исключено, что в одних сферах экономики должна быть усилена централизация вообще и дисциплина в частности, а в других проведена либерализация с предоставлением каждому предприятию права попытаться решить свои проблемы самостоятельно. Но я высказываю свою точку зрения, допускаю, что существуют и иные мнения.

Судя по статистическим показателям, оснований для экономических потрясений в Беларуси сейчас нет. ВВП за 4 месяца нынешнего года увеличился на 12,3 % – это больше, чем когда-либо ранее. Быстро

растут промышленное производство, инвестиции, нормально функционирует сельское хозяйство. Увеличилась по сравнению с прошлым годом и рентабельность продаж, хотя еще и не достигла прогнозного значения. Наибольшую озабоченность вызывает, безусловно, дефицит внешней торговли. В этом году, например, за первые 3 месяца темпы роста экспорта составили 41 %, а импорта – 61 %, притом что у нас уже в 2010 году было заложено превышение импорта над экспортом. Это создает существенные проблемы, прежде всего, для валютного рынка, что, в свою очередь, влечет ухудшение ценовой ситуации. Поскольку практически в каждом белорусском товаре содержится импортная составляющая, то в связи с ростом курса она переоценена. Соответственно, цены растут, и этот процесс будет идти до тех пор, пока наши цены не сравняются с ценами сопредельных стран, если не будет дальнейшей девальвации.

Среди фундаментальных причин разбалансированности отечественного рынка следует назвать также рост мировых цен на энергоносители, низкую эффективность производства, его высокую материало- и энергоёмкость. Не следует сбрасывать со счетов и обозначившуюся в последние два года ориентацию производства преимущественно на внутренний рынок, в результате чего внутренние издержки не покрывались притоком валюты от имевшегося экспорта. Кроме того, имел место ряд ошибок, касающихся ставки рефинансирования, финансирования неэффективных проектов, льготного кредитования жилищного строительства и т.п.

Однако у любой ситуации всегда есть и отрицательные, и положительные стороны. Конечно, происходящее неблагоприятно сказывается на социальной сфере, потому что это связано с жизнью людей и с экономическим положением домашних хозяйств. И дело не только в том, что дефицит валюты создает сложности при поездках за рубеж. Существеннее, что на фоне роста цен наблюдается определенное снижение покупательной способности домашних хозяйств. Возникают негативные эффекты и риски для инвесторов, которые приходят на белорусский рынок, поскольку для них важно не просто заработать деньги, но и реинвестировать их и вывезти обратно. Если же обмен рублей приходится осуществлять

с трудом, да еще по непривлекательному и неустойчивому курсу, это способно затормозить приток инвестиций в страну.

Положительную сторону происходящего я усматриваю в том, что обнажились проблемы, которые долгое время находились как бы в тени, что подталкивает к их безотлагательному решению. Приведу аналогию из области медицины. Можно все время находиться в стадии легкой болезни: когда температура постоянно 37,2, на нее не обращаешь особого внимания, а когда уже 39, тогда хочешь не хочешь, начинаешь лечиться всерьез. Между тем врачи утверждают, что иногда вялое течение болезни может быть более опасным, чем острое. Поэтому лучше пережить эти 39, перенастроить экономику, запустив механизмы развития инновационной деятельности, прежде всего ориентированных на экспорт отраслей.

Сейчас в правительстве занимаются тем, чтобы, приостановив негативные тенденции, создать потенциал будущего роста. Разумеется, прежде всего, речь идет об удовлетворении ажиотажного спроса на валюту, потому что фигурировавшие в последнее время курсы явно не соответствовали равновесным значениям. Для этого необходимо иметь определенные валютные запасы. Симптоматично, что в моменты острого дефицита валюты на рынке она имела у всех секторов экономики, причем в значительных объемах: и у предприятий-экспортеров, которые выжидали, чтобы не продешевить, и у банков, и у населения. Поэтому мне кажется, что в качестве экстренной меры можно было бы установить требование стопроцентной продажи экспортной выручки на валютной бирже. Этот шаг не относится к числу популярных, но он использовался во многих странах, давая возможность снизить остроту ситуации. Важное условие обеспечения сбалансированности на рынке валюты – внешние заимствования, которые предполагают осуществить правительство и Нацбанк. Необходимо также принять ряд мер, направленных на снижение спроса на валюту. Ну и, конечно же, надо предпринимать действия, которые стимулировали бы экспорт и дестимулировали импорт.

В долгосрочном плане предстоит в соответствии с приоритетами, намеченными на пятилетие, проводить структурную перестройку экономики с упором на развитие

отраслей с высокой добавленной стоимостью и низкой импортностью, шире внедрять достижения научно-технического прогресса. С этой точки зрения стоило бы пересмотреть имеющиеся подходы к жилищному строительству, большой объем которого осуществляется за счет льготного кредитования. Это иногда приводит к неэффективному использованию денежных средств – не с точки зрения решения социальных проблем, а в плане создания потенциала будущего роста и обеспечения сбалансированности внешней торговли, поскольку данная сфера является достаточно импортной. Между тем выделяемые на нее средства можно было бы применить более рационально, используя их на развитие высокоэффективных производств.

Это же относится и к поддержке АПК. Да, мы сегодня говорим, что обеспечена продовольственная безопасность страны. Но нередко это делается в ущерб безопасности финансовой, когда выделение больших финансовых средств не сопровождается получением соответствующей отдачи от сельского хозяйства. Как заметил Президент, ненормально, когда стоимость молочно-товарных комплексов при одинаковой производительности порой отличается в несколько раз. Необходимо более тщательно выбирать проекты и эффективно их реализовывать, а не закапывать деньги в землю. Пора уходить и от практики кредитования на равных условиях хозяйств, показатели работы которых кардинально отличаются, отдавая предпочтение тем, которые применяют передовые технологии и методы организации труда. Со временем такие меры помогут преодолеть возникшие дисбалансы, придав новый импульс экономическому развитию.

Александр ЛУЧЕНОК,
доктор экономических наук, профессор:

Факт возникновения временных финансовых трудностей из-за задержки с получением необходимых кредитов не дает повода говорить о несостоятельности экономической модели. Следует говорить о необходимости ее модернизации с учетом реалий экономического развития. В противном случае нам нужно будет до конца года заимствовать или продать собственности не менее чем на 3–4 млрд. долларов.

Совершенствование хозяйственного механизма в стране должно быть направ-

лено на снижение отрицательного сальдо во внешней торговле. Причем не нужно бороться с потребительским импортом, поскольку возможности государства в этом отношении достаточно ограничены. Столкнувшись с дефицитом импортных товаров в Беларуси, люди приобретут валюту и начнут выезжать за границу, но все равно будут покупать нужные вещи и лекарства. Гораздо важнее создать такие экономические условия, при которых будет невыгодно производить товары, не пользующиеся спросом на внешних рынках.

Первоочередной мерой должен стать отказ от доведения предприятиям показателей по росту объемов производства в качестве директивных. На уровне национальной экономики следует отказаться от фактически директивного установления показателей валового внутреннего продукта (ВВП). Дело в том, что до 75 % материальных затрат в промышленности – это импортная составляющая. Значит, чем больше мы производим продукции, тем больше мы импортируем сырья, материалов и комплектующих, тем больше нам нужно валюты. И если мы производим товары, которые потом не можем продать за границей, то увеличению ВВП сопутствует быстрый рост отрицательного сальдо, что мы и наблюдаем в этом году. Заметьте: в большинстве развитых стран темпы роста ВВП составляют 2–3 %, что не мешает им решать свои социально-экономические проблемы. Мы же при 10-процентном росте столкнулись с серьезными трудностями.

Поэтому одними из важнейших оценочных показателей должны стать минимизация отрицательного сальдо во внешней торговле и повышение рентабельности хозяйствования. Это будет способствовать решению задач модернизации, перестройке экономического механизма таким образом, чтобы максимально заработали элементы саморегулирования.

Предприятия должны получать доход только в том случае, если они будут производить пользующуюся спросом продукцию. Скорее всего, в условиях постреформированной экономики им придется избавляться от лишних занятых работников: ведь сейчас излишняя занятость на предприятиях порой достигает от 30 до 50 %. Конечно, такое положение плохо сочетается с целями ин-

новационного развития, но у него есть свое объяснение. Сегодня руководителю предприятия нет смысла покупать, например, новую линию по производству продукции, которая высвободит у него, допустим, две сотни работников. Все равно он вряд ли сможет их уволить. И директор начинает считать: новое оборудование стоит больших денег, а потом еще возникнет головная боль с высвободившимися кадрами. Получается, что ему проще использовать работников с относительно невысокой заработной платой, чем заниматься переоснащением производства. В результате у нас очень часто снижается интерес к закупке современных технологий, особенно тех, которые обеспечивают значительную экономию трудозатрат. С другой стороны, предприятиям доводятся оценочные показатели развития, включающие наращивание объемов производства. А если руководитель захочет технически перевооружить предприятие, то он где-то полгода или год не сможет производить достаточное количество продукции, и в результате показатели упадут. Его за это накажут, а может быть, и с работы снимут. Естественно, он предпочитает не рисковать и продолжает работать на старом оборудовании, справедливо рассудив, что до пенсии его должно хватить.

Помимо снижения заинтересованности в использовании современных технологий, сложившиеся подходы приводят к тому, что в стране стал явственно ощущаться дефицит квалифицированных кадров. Все чаще слышны разговоры о том, что для решения инновационных задач нам надо привлекать мигрантов. Более того, подготовлена специальная программа по привлечению в страну не менее 16 тыс. приезжих работников ежегодно с выплатой «подъемных» в размере 1 тыс. долларов. Но чтобы вести речь об активном привлечении мигрантов и предоставлении им гражданства, надо быть уверенным в том, что к нам приедут высококвалифицированные специалисты. В этом случае они производили бы значительную величину добавленной стоимости и наши общественные фонды пополнялись. Однако, к сожалению, более вероятен вариант, что Беларусь облюбуют малоподготовленные кадры из Азии или Африки, откуда сейчас происходит массированный исход беженцев, от которых желает избавиться Евросоюз. Такие кадры большой добавленной стоимости

Страна	Валовой внешний долг в 2009 году, процентов к ВВП	
	Значение	Место относительно других стран
Китай	8,6	5
Бразилия	19,7	25
Индия	22,1	30
Россия	37,0	65
Чехия	42,3	77
Япония	44,3	82
Израиль	48,4	85
БЕЛАРУСЬ	52,3	95
Польша	56,9	103
Канада	75,5	115
Литва	77,7	116
Украина	89,1	124
США	99,0	128
Италия	105,0	130
Казахстан	106,2	132
Эстония	108,7	134
Латвия	138,0	136
Германия	141,2	137
Испания	147,6	138
Греция	161,1	141
Франция	176,9	143
Швеция	210,1	148
Португалия	213,2	149
Швейцария	241,9	150
Великобритания	412,2	154
Ирландия	958,5	156

Показатели валового внешнего долга к ВВП в некоторых странах мира

Источник: Данные Всемирного банка

не произведут, а, становясь гражданами Беларуси, начнут потреблять из общественных фондов потребления. Поэтому мигрантов надо привлекать избирательно. Главным критерием здесь должна стать высокая квалификация приезжих.

Но прежде чем прибегать к такому радикальному средству, как миграция, надо рационально распределить имеющиеся трудовые ресурсы. Рабочая сила у нас сейчас используется малоэффективно и нуждается в перераспределении между отраслями. Поэтому следует создать действенную систему переподготовки кадров и направлять лишних работников из промышленности, например, в строительство, в сельское хозяйство. Если осуществить все грамотно, значительной безработицы не возникнет. Впрочем, и небольшое увеличение безработицы не должно никого пугать: во всем мире считается нормальным, когда она не превышает 6–7%. У нас, как известно, официальная безработица не достигает и 1%. Но эти цифры едва ли отражают реальное положение вещей. По методологии МОТ безработным считается каждый, кто себя так определяет. У нас же подобный статус получают лишь лица, зарегистрированные в службах занятости. Но официальную постановку на учет не стимулирует размер существующего пособия по безработице. Поэтому его следует повысить до уровня прожиточного минимума.

Вообще, любой кризис не только порождает проблемы, но и стимулирует поиск их решения. И от нас зависит, будем ли мы просто имитировать модернизацию национальной экономики или действительно ее осуществлять. Лишь во втором случае удастся обеспечить реальное эффективное функционирование белорусской экономической модели.

В связи с этим также вызывает озабоченность, что до сих пор толком не отработаны критерии оценки реальной инновационности продукции. Это создает предпосылки для появления широких и массовых приписок. Можно выпускать так называемую «инновационную продукцию», которая

на самом деле является просто новой: эти понятия не следует путать. Недостаточно ввести показатель инновационной продукции в общем объеме реализации. На деле подобный подход способен обернуться тем, что внедрение передовых технологий будет оформляться чисто административно. Такая «модернизация», понятно, никому не нужна.

Как не нужна и формальная либерализация. Как известно, решение о ее начале, объявленное в конце минувшего года, было давно ожидаемым. Но текущий момент оказался не самым благоприятным для проведения этого решения в жизнь. Многие предпринимательские структуры на фоне переживаемых трудностей или вообще остановили свою деятельность, или целиком ушли в тень. Сейчас, когда основные проблемы сосредоточены на уровне макроэкономики, ожидать каких-то серьезных успехов от мер по либерализации на уровне предпринимательских структур не приходится. Но они, безусловно, способны дать ощутимые результаты в будущем, когда макроэкономическая ситуация стабилизируется.

Михаил КОВАЛЕВ,
декан экономического факультета БГУ:

В какой-то мере мировой кризис сказался на ситуации в стране, поскольку и в 2009, и в 2010 году мы так и не вышли на цифру экспорта 2008 года, который тогда достиг своего максимума. Внешние рынки, где мы продаем свою продукцию, еще полностью не восстановились и, видимо, восстановятся только к 2012 году. В нынешнем году мы уже наверстали, а к его окончанию, возможно, и превзойдем экспортные показатели 2008-го. Но главные причины возникшего с конца марта острого дефицита валюты носят скорее внутренний характер.

В последние годы мы слишком много внимания уделяли повышению благосостояния населения и увеличению ВВП и мало занимались качеством экономического роста и устранением некоторых дисбалансов, складывающихся в экономике. К примеру, образовался очевидный дисбаланс между производительностью труда и размером зарплаты. За пятилетку валовой внутренний продукт вырос в 1,4 раза, а денежные доходы населения – в 1,7 раза. Говоря по-простому, мы начали получать больше, чем зарабатывали.

Доля денежных доходов населения достигла 63 % ВВП, что, впрочем, нормально для социально ориентированной экономики – в странах Скандинавии этот показатель еще выше.

Второй дисбаланс обозначился между повышением денежных доходов и увеличением импорта. Первые росли, но приобретать на полученные средства то, что произведено внутри страны, люди не спешили, отдавая предпочтение импортным товарам. В итоге потребительский импорт за пять лет вырос не в 1,7 раза, как доходы, а в 2 – с 2,8 млрд. долларов на начало пятилетки до 5,8 млрд. долларов к концу. Это цифры только чистого потребительского импорта. Но помимо него у нас существенно увеличился промежуточный импорт. Значительную его долю составляют энергетические товары, цена на которые действительно выросла. В 2010 году мы заплатили за «энергетику» около 12 млрд. долларов, в том числе 4 млрд. за газ и 6,8 млрд. – за нефть. Причем объем средств, уплачиваемых за газ, увеличился в течение пятилетки с полумиллиарда до 4 млрд. долларов в год.

Однако, кроме этого, у нас резко вырос импорт промежуточных товаров для отечественной сборки все тех же потребительских товаров. Где-то примерно треть промежуточного импорта – это комплектующие для телевизоров, СВЧ-печей и так далее, где добавленная белорусская стоимость крайне мала. Фактически значительная часть промежуточного импорта – это потребительский импорт, но завезенный по частям, а здесь только соединенный. Как следствие, весь наш товарный экспорт составил в 2010 году 25,3 млрд. долларов, а импорт только промежуточных товаров – 25,4 млрд. долларов, то есть первый даже не перекрыл второго. Таким образом, главный дисбаланс – между товарами, произведенными на экспорт, и ввезенными товарами из-за рубежа. Он покрывался инвестициями, но здесь образовался третий дисбаланс: между прямыми иностранными инвестициями, подразумевающими строительство иностранных заводов в нашей стране, и кредитами. Львиную долю инвестиций составили иностранные кредиты, которые надо отдавать.

В принципе, нет никаких оснований расценивать ситуацию с заимствованиями как катастрофическую. Нам пока еще

далеко даже до средневропейской нормы задолженности. Особенно это относится к госдолгу, да и валовой долг всех наших предприятий отнюдь не чрезмерный. Новыми кредитами и инвестициями мы могли бы перекрыть те долги, которые надо отдавать, как это делают другие страны. Однако с марта в стране сложилась негативная информационная среда, которая вызвала девальвационные ожидания у населения. Первым сигналом для начала этой информационной компании послужило в начале марта заявление МВФ о том, что Беларуси следует провести девальвацию.

Обстановку, в которой разворачивались события, усугубил еще один дисбаланс – между доходами и сбережениями населения. Если бы те денежные доходы, которые государство, заботясь о благосостоянии граждан, увеличивало быстрее, чем рос ВВП, откладывались в сбережения, то критической ситуации удалось бы избежать. Но мы из 100 заработанных рублей относили в банки только 5, тогда как норма сбережений в других странах мира колеблется на уровне 10–12 %, а в Китае доходит до 50 %. Все перечисленное вместе взятое и привело к возникновению острого дефицита валюты в стране.

Теперь становится понятно, что если бы в марте, после начала паники, рубль мгновенно девальвировали процентов на 10–15, то население бы успокоилось и курс удалось бы удержать на уровне 3300–3500. Но своевременно этого сделано не было, информационная компания о грядущей девальвации нагнеталась. Первыми пошли забирать рублевые вклады нерезиденты. Чистая покупка валюты ими в марте сложилась на уровне 300 млн. долларов, вслед за этим население начало изымать рублевые вклады и конвертировать их в доллары. Решение о безналичной конвертации рублевых вкладов в валютные, наверное, помогло бы успокоить вкладчиков, но на него не пошли. Тогда население бросилось забирать рублевые вклады и штурмовать обменники. В течение некоторого времени банки этот набеж населения выдерживали, но в какой-то момент Нацбанку стало очевидно, что его золотовалютные резервы истощаются очень быстро, и он прекратил давать валютные подкрепления: валюта в обменниках исчезла. Как следствие, девальвационные ожидания только усилились, и уже никто

не хотел продавать валюту, даже те субъекты хозяйствования, которые ее зарабатывают. Неудивительно, что курс на межбанковском рынке начал расти очень быстро.

Вместе с тем я не считаю, что происшедшее в мае является валютным кризисом. Наблюдаемый острый дефицит валюты – это лишь его начальная стадия, потому что под валютным кризисом обычно понимают полное истощение золотовалютных резервов. Между тем об этом речь не идет: золотовалютные резервы страны остаются еще на вполне приличном уровне. В хранилищах Нацбанка находится около 30 т только золота. При нынешней очень высокой цене на него более 1500 долларов за унцию это соответствует приблизительно полутора миллиардам долларов. Даже по жесткой методике подсчета валютных резервов МВФ наверняка можно было бы погасить возникший дефицит, израсходовав значительную часть валютных резервов. Но страна на это не пошла. Очевидно, возобладала точка зрения, что временные трудности и недовольство населения у валютных обменников являются меньшим злом. На мой взгляд, можно было временно, на месяца три-четыре, вообще прекратить обмен валюты за исключением особых случаев вроде заграничных командировок. Это быстро успокоило бы валютный рынок, и тогда обменный курс установился бы на более низком уровне. Были и другие способы изъять излишнюю денежную массу, чтобы стабилизировать курс на меньших значениях за доллар. Одним из вариантов здесь мог бы стать больший процент компенсации населением затрат на ЖКХ. Но государство, придерживаясь социально ориентированной модели, пытается найти выход из сложившейся ситуации, не делая резких изъятий денежных средств у населения.

Необходимо подчеркнуть, что курс любой валюты, в том числе и белорусского рубля, зависит не столько от спроса и предложения и даже не столько от действительного положения в экономике, сколько от доверия населения и субъектов хозяйствования к своей валюте. Я бы сказал, что сегодня мы имеем кризис не экономический, а кризис в головах тех, кто нагнетает панику, и тех, кто их слушает. Разумеется, это также кризис доверия, вызванный нечеткими и нескоординированными действиями отдельных наших чиновников, ответственных за платежеспособный

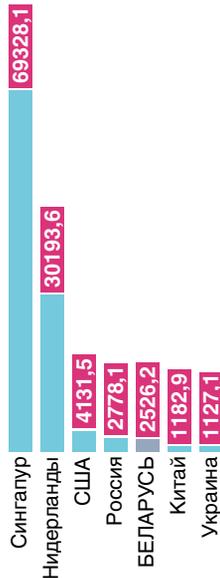

Рисунок 1. Экспорт на душу населения в некоторых странах мира, долл.

Источник:
База статистических данных Euromonitor, оценка за 2009 год.

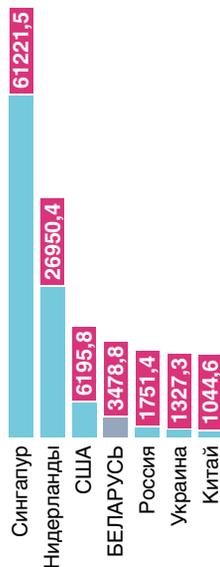

Рисунок 2. Импорт на душу населения в некоторых странах мира, долл.

Источник:
База статистических данных Euromonitor, оценка за 2009 год.

баланс и обменный курс. Над восстановлением доверия к банкам сейчас необходимо работать. В ходе этого, конечно, потребуются устранять и существующие диспропорции. Собственно, это предполагалось еще в соответствии с приоритетами развития нашей экономики, намеченными на пятилетку. В частности, один из них предусматривал выравнивание дисбаланса во внешней торговле. Представляется, что произошедшее, сделав очевидными отдельные недостатки, ускорит процесс их преодоления, и полученные уроки окажутся полезными в дальнейшем. Профессиональные действия позволят стабилизировать ситуацию, более того, существует вероятность ревальвации курса рубля где-нибудь до 4 тыс. за доллар. А при курсе в 5 тыс. рублей можно даже реализовать принцип валютного комитета – узкая денежная база совпадает с резервами.

Леонид ЗАЙКО,
экономист, директор Аналитического
центра «Стратегия» (Минск),
председатель наблюдательного совета
Восточноевропейской школы политических
исследований (Страсбург):

— Первое, с чем должны были столкнуться и столкнулись белорусы в условиях неопределенности валютного курса – это запредельные цены. И с чисто практической точки зрения многие люди наверняка свяжут это с объявленной либерализацией, обвинив в происходящем свободный рынок. Конечно же, этот вывод не имеет ничего общего с действительностью. На самом деле мы наблюдаем последствия макроэкономических ошибок 2010 года. Я назову только две самые крупные. Первая обусловлена неэффективностью внешней торговли, в результате чего отрицательное сальдо торгово-экономического баланса выросло под 10 млрд. долларов. Вторая ошибка была связана с тем, что никто в правительстве не смог оценить последствия увеличения заработной платы с 340 до 500 долларов. Денег хватило всего на 2 месяца, чего и следовало ожидать.

Сопоставив известные факты, нетрудно заметить, что второй раз за какие-то два-три года мы вынуждены прибегать к такой чувствительной девальвации. Даже то, что мы взяли деньги у МВФ, в общем-то, ничего не дало. Это заимствование осуществлялось под грабительские капиталистические про-

центы. И только ради того, чтобы через два года опять прийти к той же проблеме?

В начале развития создавшейся ситуации я писал, что курс белорусского рубля к доллару будет устанавливаться либо по методу медианной средней, то есть в результате четкого и весьма гибкого реагирования на спрос и предложение, либо будет использоваться другой метод, который я, как специалист в области макроэкономики, называю методом храповика. Он срабатывает, если возникшими проблемами занимаются разные группы и комитеты людей с разными теоретическими воззрениями, в то время как в подобные моменты важно именно жесткое концептуальное единство и правительства, и Нацбанка, и всех структур, причастных к принятию решений. Этот метод заключается в том, что курс выскакивает на какую-то величину, скажем 4, потом 5 тыс. белорусских рублей. На какой-то из указанных отметок он закрепляется, и в дальнейшем к данной величине будет адаптироваться всё и вся. Это достаточно негативный вариант, чреватый 50-процентным размером инфляции и двукратным падением уровня жизни. Если он реализуется, мы рискуем вернуться к реалиям 1994 года, которые многие еще помнят.

Думая о будущем, необходимо быть готовым к реализации двух сценариев. Первый, краткосрочный, заключается в проведении хирургически точных, в большей степени технологических методов, предусматривающих достижение сбалансированного курса, снижение спроса на доллары и абсолютный прессинг, который будет направлен на уменьшение предложения белорусских денег. В долгосрочном плане необходимы изменения экономической политики, которые будут связаны со снятием такой важной величины, как мягкие бюджетные ограничения. Нужно уходить от того, что называется «финансовая помощь предприятиям», от финансирования различных больших программ. Следует также отказаться от такой неубедительной вещи, как финансирование строительства жилья по ставке 1 % в год для малообеспеченных и молодых семей.

Вообще, считаю, что мы должны абсолютно жестко и четко реформатировать весь строительный сектор. Тут есть мно-

го проблем и много вопросов. Во всяком случае, когда наши малые предприятия предлагают двухэтажный деревянный дом площадью свыше 100 квадратных метров в комплекте за 20 000 долларов, то у меня возникает вопрос: зачем строить бетонные клетки, если мы можем поставить страну в совершенно иной плоскости путем строительства домов из естественного природного материала. Я вообще прекратил бы всякое строительство «во славу бетона и кирпича», оставив только беспроцентное финансирование возведения семейных деревянных домов. Все-таки мы страна большая и богатая, в том числе по количеству территории на одного человека, и нам нет смысла ютиться в Минске, который, собственно говоря, и развивать дальше нет резона – в этом абсолютно прав Президент. Нужно вернуться к тому, чтобы у белорусов был родительский дом, чтобы было место, где дети и внуки могли жить и собираться, чувствуя тепло родного очага. Я назвал только строительство. На самом деле секторов, где требуются изменения системного порядка, гораздо больше, но это уже вопрос чисто профессиональный. Кстати, хотелось бы, чтобы правительство было более компактным и более быстрым на хорошие решения...

Ситуация в мире благоприятствует их реализации – для большинства стран кризис остался позади. По этому году хороший рост обнаруживают, кроме Китая, на который мы часто ссылаемся, Норвегия – 10 %, Аргентина – 10,5 %, Сингапур – идет прирост ВВП на 23,5 %, и многие другие – это последние данные английского журнала «Экономист». Нам, я думаю, есть смысл взять в качестве примера для изучения Норвегию, отличающуюся тем, что она постоянно лидирует среди других стран по индексу человеческого развития. Причем для Беларуси интересен не сам по себе рост ВВП, демонстрируемый Норвегией, но и торговый баланс, который за последние 12 месяцев составляет там плюс 56 млрд. долларов. Словом, сейчас на мировых рынках отмечена мощная, весьма выразительная динамика, растет производство, увеличиваются обороты. И, кстати, как подмечал еще К. Маркс, после кризиса цены обычно растут. Соответственно, подорожал отечественный калий, отечественное молоко, мя-

со. В этом заключается позитивность мировых процессов для белорусской экономики, что дает определенную надежду.

При этом, мне кажется, не стоит заострять внимание на терминах, таких, в частности, как белорусская экономическая модель, потому что в теоретическом плане такой подход представляется непродуктивным. Обладая опытом преподавания в Китае, США, ФРГ, могу предположить, что здесь сказывается некая провинциальность белорусской экономической мысли. Разумеется, я ни в коем случае не трогаю политическую сторону – политики могут использовать разные политические термины, это их право. Мне приходилось штудировать различные системы экономического знания, и могу сказать, что в Беларуси работает кейнсианская модель. Если точнее, это левокейнсианская модель в духе Джоан Робинсон, с достаточно сильной патерналистской политикой, в которой активно используются механизмы стимулирования совокупного внутреннего спроса. Этот спрос у нас как раз и «перегорел».

Сейчас мы только подступаемся к тому, что называется либерализацией. Но здесь хотелось бы сразу предостеречь: нам нужна не просто либерализация и не просто рынок. Потому что рыночная экономика в принципе может сопутствовать и рабовладельческому строю. Как известно, раньше существовали невольничьи рынки, и они функционировали весьма эффективно. Поэтому более важным, ценностным ориентиром должно стать создание свободной экономики, которая дает возможность конкурировать идеям, предложениям товаров, спорить на уровне преимуществ каждого производителя. Мало объявить либерализацию – надо создать инструменты, которые дают возможность раскрытия творческой и производственной активности сотен тысяч и даже миллионов людей. Способствовать снижению налогов, ослаблению административного контроля – это важно, но это не главное. Главное, что либерализация дает нам шанс освободить поистине ядерную энергию, заключенную в потенциале малых предприятий, малого и среднего бизнеса. Между прочим, эта цель ставится еще с советских времен, но она так до сих пор и не достигнута.

Подготовила Галина МОХНАЧ ─